

Г.Д. Гловели

д.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт экономики РАН (Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ВЕХОВСТВА МЕЖДУ ДВУМЯ КАНОНАМИ

Аннотация. В статье вводится понятие о веховстве как особом течении в русской экономической мысли и рассматриваются взгляды П. Струве как центральной фигуры этого направления. Главное внимание уделено сформулированной Струве основной антитезе «формативных мотивов» экономической аргументации: «номинализм-сингуляризм» против «реализма-универсализма». Эти мотивы соотнесены с Двумя канонами экономической науки: абстрактно-индивидуалистическим мейнстримом (классическая школа, маржинализм) и Другим канонам, отстаивающим более конкретные подходы и активное государственное вмешательство в экономику. Показана связь историко-методологических изысканий Струве с опытом самоопределения российской политэкономии между Двумя канонами.

Ключевые слова: *экономическая методология, классическая политэкономия, историческая школа, русский «легальный марксизм», маржинализм, веховство, формативные мотивы.*

Классификация JEL: A10, B11, B12, B13, B14, B15, B31, B49.

Российская политэкономия между двумя канонами

В начале эпохи раскрепощения редактор-издатель первого российского специального экономического журнала и первый российский историк экономических учений Иван Вернадский противопоставил два основных направления в мировой экономической мысли: «положительное» и «отрицательное». «Экономические воззрения древних и меркантилизм принадлежат к первому; физиократия и школа А. Смита ко второму.

Положительное направление требует известной экономической организации общества, вследствие того желает видеть вмешательство правительства в экономические действия... Отрицательное направление требует возможно большей экономической самостоятельности лиц. Основная практическая мысль первого поэтому есть признание зависимости явлений богатства от общественной власти, второго – та мысль, что в основе всех экономических явлений лежат неизменные естественные законы. Первое не заботилось о теории; второе – иногда презирало государственную практику» [Вернадский, 1858. С. 2].

Сам Вернадский, убежденный последователь классической английской политэкономии, либерал «манчестерского» толка [Гловели, 2013. С. 212], решительно примыкал ко второму направлению, которое, преобразившись к XX в. из классического в маргиналистское неоклассическое, стало мейнстримом экономической науки. Но место основателя политэкономии И.В. Вернадский отводил не Адаму Смиту, а неаполитанцу-меркантилисту А. Серра¹, чей «Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишённые рудников драгоценных металлов» (1613) привлёк внимание главных ревнителей «Другого канона» в экономической науке – от автора «Национальной

¹ Аналогичную позицию занимал целый ряд западных историков политэкономии [Ингрэм, 1897. С. 65. Косса, 1900. С. 165].

системы политической экономии» Ф. Листа [List, 1856. P. 407] до современного критика либеральной догмы «сравнительных преимуществ» Э. Райнерта [Райнерт, 2011. С. 38]. «Другой канон», противостоящий методологическому индивидуализму и математизированным абстракциям мейнстримного канона [Автономов, 2013. С. 6–7, 10–11], неотделим от традиций германской исторической школы в политэкономии, в России иногда именованной «реалистическим» направлением. Оно, как известно, отвергало метафору «экономического человека» классиков и маржиналистов, «космополитизм» и «перпетуализм» категорий, вывод о невмешательстве государства как «естественном состоянии». В стремлении полнее учесть различные аспекты реальности, чтобы изменить её к лучшему, прибегая к протекционизму и социал-политике, историческая школа инициировала обширные экономико-статистические обследования («прикладное обществоведение») и выдвинула классификации форм промышленности и различные схемы последовательных стадий эволюции хозяйственного быта.

Позднее Й.А. Шумпетер отнесся со снобистским пренебрежением [Шумпетер, 2011. С. 1067] к этим историко-стадиальным схемам, но в послекрепостнической России отношение к ним было серьезным. Желая приобщиться к европейским научным стандартам, раскрепощенные поколения российских политэкономов понимали, что эти стандарты сложились в странах, далеко ушедших вперед в торгово-промышленном развитии. Историко-стадиальный подход обещал шансы на приложение достижений западной экономической мысли к опыту отсталой страны, задержавшейся в крепостническом состоянии, но способной к догоняющему развитию.

Поэтому в России снискали популярность и примитивная стадийная схема «роста национальных производительных сил» Ф. Листа [Никитский, 1893. С. 1], и противопоставление натурального и денежного хозяйства Б. Гильдебрандом [С-в, 1897. С. 687]. И даже раньше, чем в Германии (у И. Бабста и А. Корсака, а не у В. Рошера) сложилось представление о корреляции между историзмом в политэкономии и социально-реформаторской «средней линией» [Гловели, 2014. С. 476]. В эту «среднюю линию» оказалось возможным, ещё и с народнической поправкой на общинные земельные наделы и самобытные «семейные формы производства» (кустарные промыслы) [Иванюков 1891. С. 61], уложить и стадиальные элементы теории капитализма К. Маркса (резкого критика «вульгарной политэкономии» исторической школы), воспринимаемые без революционных выводов об исторической миссии рабочего класса.

Ключевой для бурных политэкономических дебатов в России конца XIX в. стала формула «развитие капитализма», впервые появившаяся в переписке К. Маркса с русскими легальными народниками и в нелегальных народнических изданиях. Первый переводчик «Капитала» Маркса на русский язык Н.Ф. Даниельсон («Николай – он») вместе с приверженцем трудовой теории стоимости (ценности) В.П. Воронцовым («В.В.»), внедрившим понятие «капитализм» в русский словесный обиход, обосновывал «особый путь» России – к общинному социализму «в обход» капиталистических «средних стадий». Эта позиция подверглась обструкции русскими неопитами марксизма 1890-х гг., с задором доказывавшими, что капитализм – единственный шанс для *роста производительных сил* в России, страдающей не столько от капитализма, сколько от его *недостаточного* развития.

Выполнения «задачи, которая везде в других странах выпадала на долю либеральной политической экономии – и притом как официальной науки» – «исторического оправдания капитализма» – ждал от русского марксизма застрельщик антинароднической полемики П. Струве [Струве, 1902. С. 188]. Но в официальной экономической науке других стран как раз в то время происходили изменения, судьбоносные для её обоих канонов. С одной стороны, историческая школа стала отходить от рекомендованного её официозным главой Г. Шмоллером сугубого эмпиризма историко-хозяйственных монографий. К. Бюхер выступил с обоснованием обобщенной трехстадийной схемы европейского экономического

развития по критерию длины пути, проходимого продуктом от производителя до потребителя (замкнутое домашнее хозяйство, городское корпоративное хозяйство, народное хозяйство), и, по словам Струве, «в экономической науке давно не было такого праздника, как когда Бюхер опубликовал свои замечательные этюды» [Струве, 1902. С. 427]. Бюхер разработал также пятизвенную историческую классификацию форм промышленности по степеням связей с рынком и охвата капиталом, примененную и для современности в статистическом разрезе [Бюхер, 1897].

С другой стороны, хотя математическая форма выражения маржиналистской теории ценности ещё оставалась непривычной, стало очевидным значение теории предельной полезности как «интеллектуального оружия против Маркса и Генри Джорджа» [Блауг, 1994. С. 287]. В Англии и США началось замещение прежнего названия науки «political economy» на «economics». В континентальной Европе [Gide & Rist, 1909. P. 615–617] и особенно в России [Соболев, 1898. С. 310] маржиналистская теория ценности еще долго воспринималась лишь как перелицовка принципов классического либерализма. «Молодая» историческая школа заслоняла «психологическое и математическое направления» в политэкономии. В «споре о методах» к шмоллеровскому отрицанию дедуктивного подхода не примкнул никто из российских политэкономов (за исключением бывшего министра финансов Бунге). Но их вовсе не удовлетворяли «такие высоты отвлеченно-психологического анализа», с которых очень мало заметны реальные социальные факторы; «изоляция экономических явлений от всех других сторон народной жизни» и «представление об обществе, как механическом единстве отдельных индивидуумов»; наконец, «сложные математические формы выражения мыслей, по существу, упрощенных до последней крайности» [Железнов, 1904. С. 418, 453]. Другое дело – такие реальные проявления «ликвидации старых понятий о свободной конкуренции», как монополистические союзы предпринимателей, фабричное законодательство, профсоюзы, кооперативы и пр. [Янжул, 1895; Соболев, 1900, и др.]. К их осмыслению русские политэкономы приступили сразу вслед за западными. П. Струве начал сотрудничество с знаменитым энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона со статьи «Земледельческое государство», где, опираясь на схемы Листа и Гильдебранда, намекал на желательность в России сдвигов в структуре хозяйства, соответствующих «рассеянию промышленности по всему культурному миру» [Струве, 1894а. С. 424]. А следом написал сводку об институциональных изменениях «современного капиталистического строя», обусловленных «тенденцией промышленности к концентрации» [Струве, 1895. С. 610–616].

Наблюдая «брожение» в западной экономической науке, российские политэкономы не видели в маржиналистских подходах теоретической системы, способной заменить старые построения. Концепции исторической школы и социал-политики считались гораздо более соответствующими «грандиозному процессу нарастания общественных сил, переносящему самыми разнообразными путями центр тяжести хозяйственной жизни от индивидуального произвола предпринимателя и индивидуального приспособления и индивидуальной борьбы работника к общественному строительству и контролю» [Железнов, 1905. С. 11, 16].

Словарь Брокгауза и Ефрона, изданный в 1890-е и начале 1900-х, своеобразно отразил такое отношение к «Двум канонам». Из всех теоретиков маржинализма отдельные статьи были посвящены только Девонсу и Менгеру. Тогда как молодая историческая школа широко представлена авторами не только германскими (Брентано, Бюхер, Вагнер, Гельд, Зомбарт, Инама-Стернег, Шмоллер, Шульце-Геверниц), но также английскими (Ингрэм, Роджерс, Эшли) и американским (Эли).

А дебаты марксистов с народниками стали не просто спором о перспективах капиталистического или некапиталистического пути обобществления труда в России, но и о том, должна ли она проходить *конкретные стадии* капитализма. Крупнейшие произведения

марксистов 1890–х гг. – «Русская фабрика» приват-доцента М.И. Туган-Барановского и «Развитие капитализма в России» политэкономического В.И. Ульянова (Вл. Ильина) – были посвящены опровержению того, что кустарные промыслы, в которых народники видели основу для некапиталистического промышленного роста, – «самобытное» русское явление. «Неомарксисты» доказывали, что это не более чем *рассеянная мануфактура*, т.е. разновидность низшей исторической стадии капитализма, которую и в России неизбежно сменит (и чем скорее, тем лучше) более высокая стадия фабричного крупного машинного производства [Гловели, 2016. С. 515–520].

Марксистско-народническая полемика о «судьбах» и стадиях капитализма в России, включая Сибирь, совпала не только с поворотом в развитии германской исторической школы в политэкономии, но и с австрийской реакцией на «большое противоречие» между 1-м и опубликованным 3-м томами «Капитала», а также с разливом по европейской социал-демократии бернштейнианства и аграрного ревизионизма. Струве и его ближайшие соратники в Петербурге и Москве – М. Туган-Барановский и С. Булгаков – примкнули к ревизионистам и согласились с реформистской критикой выводов Маркса о крахе капитализма и диктатуре пролетариата, а также – более или менее – с критикой теории трудовой ценности. Не замедлили эти «легальные марксисты» и с отмежеванием и от материалистической диалектики, и от «экономического материализма», с позиций которого они сами только что критиковали народничество,

Диалектика подверглась пересмотру и с других позиций – позитивистских. Редактор нового «толстого» журнала «Научное обозрение» легендарный доктор философии М.М. Филиппов в первой в русской легальной печати специальной работе о социологии марксизма утверждал, что критика политической экономии вела Маркса от прежнего «идолопоклонства перед Гегелем» к общенаучному эволюционизму и освобождению «от балласта диалектики»; естествознание «прокрадывается в тайники исторического материализма, откуда окончательно выкуривает гегелевский дух» [Филиппов, 1897. С.122, 127]. Филиппов же предоставил страницы своего журнала для первых русских обзоров маржиналистских доктрин [Винярский, 1897; Рыкачёв, 1900]. Однако сам написал статью, в которой связал возникновение теории предельной полезности с ростом в капиталистическом обществе слоя образованных людей, живущих на те или иные формы рент и пенсий, и с расцветом биржевой игры – «области, где вовсю развернулось торгашество» [Филиппов, 1900. С. 2010].

К понятию «экономическая мысль веховства»

П. Струве, автор статьи «Маркс» для словаря Брокгауза и Ефрона и организатор нового русского перевода² 1-го тома «Капитала», составитель первого манифеста Российской социал-демократической рабочей партии (1898), еще в «Критических заметках» провозгласил, что «можно быть марксистом, не будучи социалистом» [Струве, 1894. С. 180]. К началу 1900–х сам Струве уже не был ни тем и ни другим, и в течение первого десятилетия XX в. как идеолог и политик неуклонно смещался вправо. Свой поворот от «легального» марксизма к «Проблемам идеализма» (1902) Струве заодно с С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком довел до резкой критики в сборнике «Вехи» (1909) безрелигиозности, «противогосударственного отщепенства» и классовой ангажированности русской интеллигенции. К тому времени Струве – член ЦК Конституционно-демократической партии и редактор одного из влиятельнейших «толстых» журналов «Русская мысль». Веховец

² В котором, к одобрению Туган-Барановского, понятийный ряд с немецким корнем Wert был переведен сочетаниями со словом «ценность», а не «стоимость», как в первом переводе Даниельсона-Лопатина.

Струве отвернулся от своего прежнего вывода, что «в России буржуазные классы и институты, именно в силу своеобразного исторического прошлого нашей страны и особенно условий её настоящего, способны подчас играть глубоко реакционную роль» [Струве, 1901. С. XIV]. Теперь он заседал на «ученых обедах» у московских торгово-промышленных олигархов, вознамерившихся найти русскую «национальную идею буржуазии» [Уэст, 2000. С. 312, 315].

На этих обедах присутствовал и С.Н. Булгаков, излагавший идеи своей «философии хозяйства», оформленные вскоре в его докторской диссертации по политэкономии. Напротив, отсутствовал М.И. Туган-Барановский, чей поворот «от марксизма к идеализму» был не менее решительным, чем у веховцев, но в иных, своеобразных формах. Однако с Булгаковым у Туган-Барановского осталось больше общего, чем с прежним другом Струве. Во-первых, в противоположность неизменно жесткому антинародничеству Струве (также как и ортодоксальных марксистов Ульянова-Ленина и Плеханова!), Туган-Барановский и Булгаков значительно смягчили свои позиции по отношению к народникам, признав их правоту в том, что касалось живучести русских кустарных промыслов и значения кооперации. Во-вторых, порвав с историческим марксизмом, и Туган-Барановский, и Булгаков искали идеалистического («этического», «христианского») обоснования социализма.

Иное дело – Струве и его ближайшие сотрудники по «Русской мысли» политический обозреватель А. Изгоев (один из авторов «Вех») [Белых, 2012] и экономический обозреватель А. Рыкачев [Ансберг, Ковалев, 2009], в прошлом также «легальные марксисты». Именно это трио, на наш взгляд, определяет линию *экономической мысли веховства* как категоричного и разноаспектного либерально-буржуазного пересмотра социалистических – общинно-народнических, классовых марксистских и иных – умонастроений русской интеллигенции.

А. Изгоев (Ланде) вместе с самим П. Струве активно поддерживал столыпинское разрушение общины и насаждение хуторов, приветствуя правительственное поощрение «сельской буржуазии». Изгоев стал первым биографом Столыпина, полностью одобряв землеустройство, хотя и составив длинный список того, чего не сделал покойный премьер-министр («сильный ум», но какого-то «второго сорта» [Изгоев, 2012. С. 110]) в области внутренней политики и законодательства (включая введение подоходного налога и общедоступного начального образования). Рыкачев, автор «замечательной», по оценке Струве, книги «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма»³ (1912), подвергал разносу экономические трактаты русских социалистов всех оттенков – от Туган-Барановского до «Курса политической экономии» А. Богданова и И. Степанова. Наконец, этот автор в статье «О некоторых наших предубеждениях» ставил вопрос о национально-культурной миссии русской буржуазии, призывая интеллигенцию повернуться лицом к капиталистическому предпринимательству, а детей «тех, кто шел в народ» – идти стяжать прибыль в промышленность и торговлю [Рыкачев, 1913. С. 47–48].

Стоит упомянуть и еще одного автора, приглашенного Струве к сотрудничеству в «Русской мысли», – первого русского экономиста-математика В. Дмитриева. Тот досадовал, что в России четверть века толком не замечали маржинализма – «самого крупного по своим размерам и последствиям течения европейской экономической мысли» [Дмитриев, 1908. С. 17]. Во втором десятилетии XX в. ситуация стала меняться, что отразил и Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1911–1916). В нем появились статьи о Бем-Баверке, Визере, Вальрасе, Кларке, Маршалле и их предшественниках Галиани

³ В этой книге, между прочим, содержится едва ли не единственная в русской досоветской литературе ссылка на одну из работ («Теория делового предприятия») основателя американского институционализма Т. Веблена.

и Госсене. Однако в курсе истории экономических учений С. Булгакова школе предельной полезности был посвящён лишь один последний (!) абзац [Булгаков, 1914. С. 191]; в других солидных русских курсах истории экономических учений не было и этого ([Миклашевский, 1909], [Левитский, 1914])! Самым же издаваемым в Российской империи западным экономистом стал представитель нового поколения исторической школы В. Зомбарт – несмотря на репутацию «пруссак, который ненавидит Восток и хочет обеспечить могущество Германии для борьбы с восточноевропейскими и азиатскими народами, в частности, Россией» [Миклашевский, 1904. С. 464].

Труды Зомбарта имели особое значение для Струве-экономиста, одновременно с редактированием «Русской мысли» читавшего в Санкт-Петербургском политехническом институте курсы торговой политики и (впервые в России) экономики промышленности, а в 1912 г. унаследовавшего после кончины профессора И.И. Иванюкова первую в России кафедру экономической истории (истории хозяйственного быта). Свой курс экономики промышленности Струве построил по образцу зомбартовского курса «Политическая экономия промышленности», акцентировавшего нарастание монопольной власти на отраслевых рынках. Но главным источником влияния Зомбарта был, несомненно, трактат «Современный капитализм» (1902). В нём Зомбарт отождествил «стадию народного хозяйства» Бюхера с «открытым для политической экономии Марксом» капитализмом, одновременно отвергая как марксистские революционные выводы, так и бюхеровский стадийный критерий удлинения пути продукта от производителя до потребителя. Для исследования генезиса и дальнейшего роста капитализма Зомбарт считал необходимым вернуться к аристотелю противопоставлению экономии и хрематистики. Капитализм в трактовке Зомбарта – это торжество «хрематистического», денежно-приобретательского начала; смещение хозяйственной деятельности в сторону всемерного стяжания прибыли и изощрения потребностей; безграничность энергии и эстетических переживаний, перед которой меркнет римская и восточная роскошь.

«Эстетический эпикуреизм» Зомбарта [Булгаков, 1903. С. 267] вызвал упреки в «анти-этичности» [П.Н., 1914. Стб. 811], в том числе – порицание С. Булгакова, уподобившего выводы германского политэконома циничным парадоксам Б. Мандевиля. Но характерно, что в русской литературе с положительной оценкой «Басни о пчёлах» Мандевиля выступил не кто иной как Струве, соратник Булгакова по «легальному марксизму», а затем – «новому идеализму» и веховству. Он писал, что никто так ярко, как Мандевиль, не отстаивал «положения, что рост потребностей есть основное условие и главный двигатель материальной культуры» [Струве, 1915. Стб. 592]. А отправным пунктом для главного политэкономического трактата Струве «Хозяйство и цена» стало признание несостоятельности попыток исключения «хрематистического мотива» из политэкономии.

Туган-Барановский в рецензии на 1-й том трактата «Хозяйство и цена» не без сарказма заметил, что если молодой Струве стремился преподнести себя как последователя Маркса, то потом стал щеголять знакомством с самыми разными (не только экономическими) научными школами [Туган-Барановский, 1913. С. 378]. Упрёк в целом тенденциозен: Струве черпал аргументы из весьма разных источников уже и в «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России», включая трактат американца Гентона «Social Economics» (1892). Более того – и тогда Струве писал, что Маркс и националист-протекционист Фр. Лист «прекрасно дополняют друг друга» [Струве, 1894. С. 183], и лишь под давлением тогдашнего друга ортодоксального социал-демократа А.Н. Потресова исключил из текста своё одобрение «чрезвычайно искусного и мощного протекционизма», который проповедовали и претворяли в жизнь русские последователи Листа – универсальный промышленный эксперт царского правительства великий химик Менделеев и министр финансов Витте [Struve, 1934. P. 586]. «Легальный марксизм» был лишь этапом струвистского «национал-либерализма», или «национал-европеизма», кото-

рый превратил бывшего оппозиционера в госчиновника, статского советника и идеолога великорусского империализма.

Резонно было бы другое замечание. Струве как яркий антинародник начал с «марксистско-листовского» обоснования возможности развития капитализма в России с опорой на внутренний рынок. И здесь в дальнейшем он нашёл союзника в лице Зомбарта, первым обратившего внимание на такую черту развитого капитализма, как рост значения для промышленности внутреннего рынка «не только абсолютно, но и относительно» [Струве, 1908. С. 154]. Но и Зомбарта Струве уличил в «странной ошибке» отрицания значимости вовлеченности индустриальной страны в мировой рынок, а для этой вовлеченности Струве считал «естественным» и «прогрессивным» рост империализма ради завоевания внешних рынков [Струве, 1914. С. 16].

В военный 1915 г., когда веховец Струве занял пост председателя секретного Особого междуведомственного комитета по ограничению снабжения и торговли неприятеля при царском министерстве торговли и промышленности, вышло новое издание его энциклопедической статьи о Марксе с единственным дополнением: Струве оценивал (свой бывший) «марксизм» в России как «учение об основном тождестве русского экономического развития с западноевропейским» [Струве, 1915. С. 767]. Очевидно, что участие России в империалистической войне представлялось веховству закономерным следствием такой «тождественности» развития. Но заметим, что в разгар споров 1890–х гг. о судьбах русского капитализма народник В.П. Воронцов (главная «мишень» атак Струве и других марксистов) пророчески писал в своих «Очерках теоретической экономики»: «Не грозит ли Европе, одновременно с промышленным развитием, регресс нравственный и умственный, одичание нравов, понижение человеческого типа, ограничение свободы, процветание которой не может быть совместимо с превращением страны в военный лагерь?» [Воронцов, 2008. С. 499].

Два канона и формативные мотивы экономического мышления

Два тома трактата «Хозяйство и цена» (1913 и 1916 гг.) принесли Струве ученые степени по политэкономии (соответственно магистерскую и докторскую). 1-й том вышел «синхронно» известной статье Ульянова-Ленина «Три источника и три составные части марксизма», и ортодокс Ульянова-Ленина не оставил сочинение Струве без резко отрицательной рецензии. Оба автора почти одновременно выступили со статьями о Марксе для двух главных русских энциклопедий. Для лидера большевиков подготовка знаменитой статьи «Карл Маркс» для словаря «Гранат» стала импульсом к углублённому изучению гегелевской диалектики, в свою очередь, родившему вывод, что «никто из марксистов не понял Маркса полвека века спустя!!» [Ленин, 1969. С. 162]. Для веховца Струве критическая оценка всех исторических корней марксизма стала элементом методологической рефлексии по поводу основных *формативных мотивов экономического мышления*, определившей новую ретроспективу экономической мысли: противостояние «сингуляристического» и «универсалистического» подходов.

Понятие «сингуляризм» было по существу синонимом маржиналистского методологического индивидуализма, в лице австрийской школы выдвинувшего категорию «сингулярного» хозяйства (от лат. *singularis* – «единственный, особенный»), и созвучного провозглашенному веховцами этическому принципу «личной годности». Пересмотрев свое прежнее восторженное отношение к историко-хозяйственной систематике К. Бюхера, Струве решил отказаться от понятия «народное хозяйство» и руководствоваться «сингуляристическим мотивом» в отождествлении «подлинного хозяйства» – с автономным част-

ным (сингулярным) хозяйством, а образования ценности товара – с отдельными и субъективными актами оценки, объективирующимися в цене.

Понятие «универсализм» Струве возводил к спору средневековых схоластов, в котором одна сторона, называвшая себя «реализмом», настаивала на существовании универсалий – «первообразных» и первичных по отношению к вещам общих понятий; другая же отрицала существование таковых, считая их простыми «именами» (*nomina*), и называла себя «номинализмом». Впоследствии, указывая Струве, реалистический мотив выступил и в философии, и в специальных науках, как тенденция приписывать реальность общим понятиям, не подвергая анализу их генезис и значения. (Заметим, что «реализм» в этом смысле принципиально отличен от эмпирического «реализма» исторической школы в политэкономии). В политической экономии реалистический формативный мотив мышления выдвинулся сначала как поиск вещественно-осязаемого воплощения богатства и природы «ценности» (драгоценные металлы, чистый продукт), а затем, в связи с проблемой распределения этого богатства, как гипостазирование таких понятий, как «общество», «класс», ставших «универсалиями» социологического мышления [Струве, 1913. С. VI, XI].

Именно к такому «реалистическому, или универсалистическому формативному мотиву» Струве отнёс все истоки марксистской философии, политэкономии и социализма – панлогизм Г. Гегеля [Струве, 1913. С. XXVI], трудовую теорию ценности («стоимости») и «социологический реализм» А. де Сен-Симона, поставившего на место индивидуалистической идеи «естественного права» идею порядка и организации (рационализации общества коллективной волей).

Предпочтительность противоположного – «сингуляристического» – формативного мотива Струве обосновывал на заимствованном у выдающегося германского психолога-философа В. Вундта различении «автогении» и «гетерогении» целеполагания [Струве, 1913. С. 38]. «Автогения», т.е. соответствие полученных результатов поставленным целям, достижима, по мнению Струве, лишь в категориях единичного хозяйства, выражающих рациональное отношение всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру (потребности, субъективная ценность, издержки и т. д.). Но, помимо этих категорий, существуют категории межхозяйственные (основная из них – цена) и социальные, в которых выражается иррациональность системы взаимодействующих хозяйств как области господства «гетерогении» целей – столкновения индивидуальных волей. Сочетание рациональной «автогении» сингулярного хозяйства и иррациональной «гетерогении» взаимодействующих хозяйств вследствие неизбежного отличия результатов целенаправленных человеческих усилий от заданных намерений составляет, по определению Струве, «основной дуализм общественно-экономического процесса» [Струве, 1913. С. 60, 67–74].

Этот «основной дуализм», по мнению Струве, был гениально схвачен Марксом в учении о товарном фетишизме: в меновом хозяйстве одни явления (автогенические) поддаются рационализации, т.е. могут быть направлены согласно воле того или иного субъекта; другие (гетерогенические) протекают только стихийно, вне соответствия с волей какого-либо субъекта. Но Маркс приписал дуализму автогенических и гетерогенических явлений исторически преходящий характер, что Струве считал ошибочным выводом из сен-симонистской идеи рационализации, вдвинутой в поток органического стихийного развития общества. Исторический материализм Маркса вслед за социологической теорией прогресса Сен-Симона универсализировал историзм, превращая «разумное» в историческую категорию и укрепляя тем самым революционное начало социализма [Струве, 1913. С. 56]. Но в этом, по мнению Струве, была и сила, и слабость марксизма. Сила – в том, что социально-революционное действие может утверждаться лишь на «некотором построении, притязавшем на абсолютное значение». Слабость – в том, что такой историзм может оправдать всякое преобразование, но историческому оправданию социализма с равной убедительностью может быть противопоставлен исторический скепсис по отношению к нему.

«Универсалистический» формативный мотив довлеет как над материалистическим пониманием истории, придающим верховное значение категории производства материальных благ, так и над политэкономическим возведением рыночной цены к «внутренней», «объективной», «трудовой» ценности товара (или «издержкам производства»). Здесь Струве сделал одно принципиальное уточнение в связи с концепцией австрийского экономиста К. Прибрама (1877–1973) в статье «Происхождение индивидуалистической социальной философии» [Pribram, 1912], выступившего с обоснованием координатных осей «реализма» и «номинализма» в экономической аргументации [Чаплыгина, 2004]. Прибрам сблизил, с одной стороны, понятия номинализма и индивидуализма, с другой стороны, реализма и коллективизма⁴. Струве согласился с таким сближением лишь отчасти, предостерегая против упрощающего смешения формативных мотивов теоретического мышления (антитезы «реализм – номинализм» и «универсализм – сингуляризм») и оценочных мотивов мышления практического (антитезы «коллективизм – индивидуализм» и «социализм – либерализм»). Меркантилисты, проповедники активного государственного вмешательства, внесли в политэкономия универсалистическое – субстанциальное – понимание богатства (избыток драгоценных металлов). Ни французские физиократы, ни английские политэкономы-классики при обосновании индивидуалистического невмешательства (*laissez faire*) не преодолели этого универсалистического («реалистического») мотива в своих учениях о «чистом продукте» и «производительном труде». Произошло это, по мнению Струве, в силу того, что либеральная английская политэкономия, выросшая из британского индивидуалистического эмпиризма, некритически оперировала понятием «естественного закона», прикрепляя идею общественной закономерности к чему-то субстанциальному. И отдала тем самым обильную дань универсалистическому мотиву в категориях «естественной», или «внутренней» цены-ценности и распределения классовых доходов. Марксистская политэкономия в учении об абстрактном труде и прибавочной ценности подытожила эту «погоню за прочным «вещным» ядром, за субстанцией эмпирического явления «цена» в тщетном стремлении «вместить мир эмпирических хозяйственных явлений в «реалистическую» концепцию трудовой ценности» [Струве, 1913. С. 83]. Но не освободился от универсалистического мотива и маржинализм, особенно в теории предельной производительности Кларка [Струве, 1916. С. 42].

Струве принял переворот в теории ценности, совершенный маржиналистами, – раскрытие ценности хозяйственных благ как производной цены, а не возведение цены к «объективной» ценности. Однако подход Струве к систематизации экономических категорий вокруг центральной категории цены принципиально отличен от «одержимости» теорией цены экономистов основного канона (мэйнстрима) [Автономов, 2013. С. 12]. Отправной пункт Струве – цена как эмпирико-статистическая данность, проходящая через историю не только как первичная вольная цена торговых сделок, но и как регулируемая («указная») цена. Этот подход соответствует не только эмпиризму исторической школы в политэкономии, но и построению политической экономии как идиографической дисциплины в соответствии с обоснованным неокантианской философией противопоставлением идио-

⁴ Много лет спустя, перебравшись в США, Прибрам ввел понятие «паттернов экономической аргументации» [Pribram, 1953], а уже после его смерти вышел его капитальный труд «История экономической аргументации» [Pribram, 1983], охватывающий и большую часть XX в., но построенный все на той же антитезе «реализм – номинализм». Позиция номиналистов была представлена как гносеологический скептицизм, согласно которому возможности человека ограничены лишь способностью строить определенные гипотезы, не претендующие на большее, чем статус удачной, практически приемлемой интерпретации реальности. Расширением «номиналистического подхода к описанию экономического поведения» Прибрам объяснял «распространение капиталистической модели производства и распределения» [Pribram, 1983. P. 589–590]. Под «реализмом», или, по-другому, «эссенциализмом» (от *лат.* *essentia* – сущность), понимается убеждение в способности разума проникать в суть вещей и «открывать» законы, если не абсолютные, по крайней мере, объективные для целых исторических периодов. Термин «эссенциализм» использовал своей критике «историцизма» К. Поппер.

графических и номотетических наук. Выдвигая задачу идиографического изучения хозяйственной жизни как методическое требование-программу [Струве, 1916. С.71], Струве отверг номотетическую методологию маржиналистов – «субтильную экономическую схоластику» утонченных робинзонад и облеченных в математическую форму равновесных конструкций [Струве, 1913. С. XXXIII]. Обратив внимание на книгу Шумпетера «Теория экономического развития», Струве признал её достоинством «ту откровенность, с которой автор очерчивает дедуктивно-математическую политическую экономию, как нечто далекое от действительности» [Струве, 1916. С. 64]. Для самого Струве, согласившегося с критикой маржинализма французским представителем исторической школы в политэкономии Ф. Симианом, зачинателем исследования длительных волнообразных колебаний цен в истории, такое отдаление от действительности было неприемлемым.

Основной вывод политической экономии Струве, построенной на теории цены: цена – гетерогеническое явление, получающееся в результате столкновения множества человеческих волей. Социальное (властное, «указное») регулирование цены сводится к стремлению превратить её в явление автогеническое – т.е. в заранее учтённое и построенное решение какого-либо надындивидуального социального субъекта хозяйствования и властвования. Но при самых различных формах политического, социального и хозяйственного строя эти попытки плохо удаются: цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования и властвования упорно оставалась в общем и целом гетерогеническим явлением, сопротивлявшимся рациональному социальному построению. Расширение поля рационального построения цены хотя бы на ограниченных пространствах стало возможным благодаря железнодорожным тарифам, картельным соглашениям и регулированию заработной платы – вывод в традициях исторической школы. Но социалистическую идею полной рационализации цен и управления ими Струве признал явно фантастической [Струве, 1913. С. 312].

Однако Струве чужда и распространявшаяся в оболочке либерального оптимизма XIX в., а затем неолиберального рыночного фундаментализма XX в. «вера в прекрасное устройство спонтанных институтов» [Gide & Rist, 1909. P. 107]. Либеральное доктринёрство об оптимизации производства и распределения свободной игры стихийных рыночных сил сходится с социализмом как общая вера в полную рационализацию общественно-экономического процесса [Струве, 1913. С. 58–59].

Как теоретик торговой политики, идеолог «национал-либерализма», а затем и госчиновник Струве настаивал, что государство является определённым «автогеническим» единством, а «планомерное и организованное воздействие людей на их собственные отношения в процессе обмена» – узлом, «в который сплетаются нити всего культурно-политического развития данной страны» [Струве, 1908. С. 158]. Хотя цена «упорно сопротивляется рациональному социальному построению» и остаётся в общем и целом «гетерогеническим» явлением, государство не бессильно (пусть и не всесильно) в воздействии на рыночную «гетерогению» целей и способно в некоторой степени навязать обществу рационализацию с помощью проводимой экономической политики – тарифной и денежной [Струве, 1913. С. 321].

Академик Струве между двумя канонами

В феврале 1917 г. профессор Санкт-Петербургского политехнического института П.Б. Струве был утвержден Киевским университетом им. Св. Владимира в степени доктора политической экономии. Вскоре, после падения обветшалого монархического режима, он был назначен директором Экономического департамента МИДа. Весной 1917 г. Временное правительство поддержало ходатайство Академии наук о переименовании ее из Императорской в Российскую и утвердило новую редакцию Устава академии, предусматри-

вавшую выборность президента Академии. В мае де-факто уже руководивший Академией наук именитый геолог А.П. Карпинский по решению её общего собрания стал первым демократически избранным президентом Академии. И тогда же на вакантное (после кончины осенью 1914 г. И.И. Янжула) место ординарного академика по разряду политической экономии и статистики в отделении исторических наук и филологии был избран П.Б. Струве. Он стал представителем уже третьего поколения семьи Струве в Академии наук – после деда Василия (Вильгельма) Яковлевича, уроженца Шлезвиг-Гольштейна, и дяди Отто Васильевича, двух первых директоров астрономической Пулковской обсерватории⁵. В составленной перед выборами историком академиком А.С.Лаппо-Данилевским «Записке» об ученых трудах П.Б. Струве отмечался их широкий охват, включая и отвлеченные проблемы экономической теории, и конкретные вопросы истории хозяйственного быта, и выдвигавшиеся жизнью задачи экономической политики. Особо выделялся вклад в «изучение марксизма и его исторических корней» [Лаппо-Данилевский, 2015. С. 269–270].

О Струве как «главном герое марксистских выступлений» конца XIX в. напомнила появившаяся в 1917 г. статья видного социал-демократа В.А. Базарова (Руднева) в обзорном труде «Русская литература XX века» [Базаров, 2000. С. 305]. Для современников экс-марксист и академик оставался по преимуществу политиком и философствующим публицистом, возглавив, кроме «Русской мысли», еще редакцию нового еженедельника «Русская свобода» (с апреля 1917 г.), став организатором «внепартийной» Лиги русской культуры, а в октябре 1917 г. – членом Временного Совета республики (Предпарламента).

Тем не менее осенью 1917 г. на заседаниях историко-филологического отделения АН Струве сделал два доклада: «Проблема капитала в политической экономии, построенной на понятии цены» и «Понятие и проблема торговой политики». Первый из них был дополнен докладом ученика П.Б. Струве В.М. Штейна по случаю 100-летия выхода в свет классических «Принципов политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо. А второй академический доклад Струве сделан уже после красновардеевского переворота, свергнувшего Временное правительство. Эти доклады подвели своеобразную черту не только под воззрениями самого Струве, но и под дискурсом всей российской академической политэкономии, связанным с самоопределением в противостоянии Двух канонов, – от смитианца-фритредера А.К Шторха до историка и социал-политика И.И. Янжула.

Стержень доклада Струве «Проблема капитала в политической экономии, построенной на понятии цены» придала дискуссия, проходившая в начале XX в. с участием экономистов австрийской школы (Бём-Баверк, Шумпетер) и близких к ней⁶ (а не к английским школам) американских маржиналистов (Кларк, Феттер). Струве, хотя и с оговорками, присоединился к пересмотру исходных понятий в абстрактно-индивидуалистическом каноне, становившемся неоклассическим, а именно:

- ▶ отказу от смитианского разграничения производительного и непроизводительного труда («одной из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» [Блауг, 1994. С. 48]);
- ▶ выдвиганию на первый план вместо категории «богатство» категории «благо»;
- ▶ замене традиционного трехфакторного подхода и введению категории благ длительного пользования, которая сделала возможным рассматривать землю как разновидность капитала⁷ [Fetter, 1991. P. 35];

⁵ Позже четвертое поколение этой семьи будет представлено уже в Академии наук СССР – востоковедом Василием Васильевичем Струве, сыном старшего брата Петра Струве Василия [Геглов, 2005. С. 104–106].

⁶ Ученик Струве Штейн в своем докладе «Давид Рикардо» утверждал, что на смену классической доктрине приходит «система австро-американской экономии» [Штейн, 1917. С. 1529].

⁷ А позднее – ввести категорию «человеческого капитала», найдя в ней соответствие одному из элементов основного капитала по А. Смитю [Блауг, 1994. С. 48].

- ▶ переформатированию причинно-следственных связей между производством, обменом и потреблением и определению ценности средств производства, исходя из субъективной ценности потребляемых благ [Струве, 1917а. С. 1402].

Струве принял все перечисленные пункты как элементы, как соответствующие «номиналистическому» формативному мотиву экономического мышления и позволяющие уйти от «универсалистической фикции» материалистического субстанционализма. Но маржиналистское преодоление «универсалистического» формативного мотива Струве дополнил определением хозяйственного блага как такого блага, которое (в силу присущей ему относительной редкости) «несет на себе знак или клеймо цены». На основе сингуляристического «психологического функционализма» выстраивался категориальный ряд «услуга – оцененное благо («овеществление услуги») – денежный доход – капитал («богатство, поскольку оно обращается или может быть по своей природе и по социальному положению своего собственника обращено на извлечение дохода»)). В этот ряд вписывались и определение капитала как дисконтированного дохода И. Фишером, и различие «капитала» и «капитальных благ» Дж. Б. Кларком [Струве, 1917а. С. 1401, 1407].

Новшеством академического доклада Струве было определение денег как главного представителя «отсылочных» благ, выделенных особо в классификации хозяйственных благ наряду с потребительскими и производственными. Деньги в трактовке Струве – это «вторичные» блага, служащие для осуществления непрямого обмена и выполняющие функции средства обращения и платежного средства в силу своей технической обратимости в любую непосредственную полезность (ликвидности). Деньги всегда «отсылают» к другим хозяйственным благам (натуральным), имеющим потребительское и производственное значение. Хотя Струве и не использовал понятие альтернативных издержек, его функциональные определения хозяйственных благ, денег и капитала опирались на предпосылку о возможности выбора. Обладание деньгами воплощает возможность выбора в приобретении – предметов потребления, или капитальных благ, или прав на извлечение доходов [Струве, 1917а. С. 1408, 1403].

Проведя разграничение «между натуральной и отсылочной системами», Струве подчеркнул противоречивый характер их сочетания в экономике, зависимый от вторжения «момента доверия или недоверия» в «механизме отсылки». С одной стороны, деньги и ликвидные ценные бумаги (цена которых отражает колебания в действительной или предположительной доходности промышленных предприятий) «суть блага, наиболее легко обратимые и потому экономически наиболее гибкие и в нормальное время самые прочные». С другой стороны, приходится признать «известное первенство» натуральных благ, которое с полной ясностью дает о себе знать в случаях нарушения нормального «равновесия между натуральной и отсылочной системами» в хозяйственной жизни. Струве констатировал, что стал академиком именно в такую эпоху «с прогрессирующим оскудением натуральной системы и ненормальным, прямо болезненным вздутием⁸ системы отсылочной» [Струве, 1917а. С. 1409–1410].

Первый академический доклад Струве завершается разбором концепции главного американского представителя австрийской школы Ф. Феттера о ценностной разности, обусловленной временем («time-value») и выражающейся, в частности, в феномене ссудного процента. Струве согласился с критикой Феттером концепции процента Бём-Баверка (хотя отверг концепцию «психического дохода» самого Феттера), резюмировав её так: «Широкое распространение процентных ссуд всецело определяется тем, что спрос на капитал движется энергией предпринимателей, могущих на основании опыта уверенно рассчитывать, что «будущие» блага в ценностном отношении превзойдут «настоящие» и тем самым их

⁸ Напомним, что слово «инфляция», которое в то время военного крушения системы золотомонетного стандарта только начало входить в экономическую терминологию, буквально означает именно «вздутие».

окупят, т.е. объясняется именно проспективной, всегда оптимистической оценкой будущих благ сравнительно настоящими» [Струве, 1917а. С. 1414]. Но Струве вслед за Феттером рассматривает «ценностную разность» и в более широком контексте на границе этики: в связи с проблемой благоразумия и предусмотрительности, или, напротив, расточительности, легкомысленной недооценки будущих опасностей и чрезмерного удовлетворения импульсов данного момента. Но если концепция маржиналиста Феттера ограничилась «экономикой личного поведения» [Струве, 1917а. С. 1413], то Струве в своем втором академическом докладе перенёс её на уровень общества в целом, характеризуя государство как субъекта экономической политики, призванного «перед лицом настоящих поколений с их интересами – представлять будущие поколения и их интересы» [Струве, 1918. С. 2123].

Принципиальное различие между Двумя канонами состоит в том, что рамках первого теоретики либо абстрагировались от государства, анализируя взаимоотношения индивидов, в том числе живущих в разных странах, либо (неолиберализм), исходили из того, что государство состоит из эгоистически ориентированных индивидов – политиков и чиновников [Автономов, 2013. С. 10]. Струве как идеолог торговой политики и национал-либерализма сохранил приверженность иной постановке вопроса, которую считал классической применительно к проблеме соотношения между интересами настоящего и будущих поколений, – Ф. Листом в его учении о национальных производительных силах и активной роли государства в переходе на более высокую ступень хозяйственного развития нации, соответствующую «выгодам будущего» [Струве, 1918. С. 2124–2126]. Примечательно, что круг имён, упоминаемых во втором докладе Струве, совсем другой, нежели в первом, – помимо Ф. Листа, это Г. Шмоллер, швейцарский меркантилист Геррешванд и др. Более того, Струве оперировал категориями явно «универсалистического» формативного мотива экономического мышления: «производительные силы», «интересы будущих поколений», «нация», «классы».

Таким образом, можно сказать, что русская академическая политэкономия так и не завершила самоопределения между Двумя канонами: Струве по существу развел их по разным докладам. Но что было обще этим докладам и характерно для отношения автора-веховца (отсылавшего при этом к своей книге 1894 г.!) к революционным событиям 1917 г. – игнорирование учения К. Маркса и социалистических доктрин.

Провозглашённая давним знакомцем П. Струве и вождём ортодоксальной марксистской партии в России В. Ульяновым-Лениным «социалистическая революция» нашла в лице Струве ожесточённого противника. На ноябрьском экстраординарном общем собрании Академии наук, выразившем протест против захвата власти большевиками и ожидание ответственного решения судеб России от Учредительного собрания, Струве не присутствовал. Но втиснул в набор последнего за 1917 г. номера «Русской мысли» злостную статью с оценкой «русского социализма... в современных условиях» как «антигосударственной и антикультурной погромной идеологии», препятствующей процессу «создания буржуазного собственнического стяжания в широких народных массах» [Струве, 1917б. С. 60]. В поисках вооруженной силы для «твёрдой» государственной власти в канун 1918 г. Струве уехал на юг, оборвав свою скоротечную академическую деятельность и посвятив последующие годы активной борьбе в рядах антибольшевистского подполья, белых армий и эмиграции.

Веховская традиция русской общественной мысли начала XX в. была подытожена книгой «Из глубины. Сборник «Русской Мысли». Инициатором книги, собранной летом 1918 г. и лишь в 1921 г. отпечатанной, но не вышедшей в тираж, был Струве. Большинство статей сборника, один экземпляр которого вывез в 1922 г. за границу Н. Бердяев, имело религиозно-философскую окраску, но статьи Изгоева [Изгоев, 1990] и самого Струве, касались злободневных политэкономических проблем, подводя тем самым итоги экономической мысли веховства. Собственную статью из этого сборника Струве напечатал в первом номере возобновленной в эмиграции «Русской мысли» [Струве, 1921].

Один из оставшихся в Советской России русских экономистов еще в начале 1920-х гг. ссылался на «нашего академика Струве» [*Первушин, 1922. С. 36*]. Но в конце 1920-х гг. явно «не наш» Струве и формально был исключен из Академии наук СССР. Вместе с тем подход к экономической теории, названный «статистическим сингуляризмом», развивался в эмиграции и самим Струве, и осевшими в Болгарии его бывшими учениками по Санкт-Петербургскому политехническому институту [*Nenovsky & Penchev, 2017*].

Любопытно, что Лаппо-Данилевский, представляя Струве для избрания в академии, не преминул отметить, что экономическая теория «переживает кризис, несколько напоминающий тот, который некогда привёл к одностороннему господству историко-описательного направления в экономической науке. После сравнительно недолгой поры увлечения абстрактными конструкциями на базе предельной полезности и родственных ей концепций снова начинается острая неудовлетворённость малой плодотворностью новых учений, оторванностью теоретических построений от жизни, их схоластичностью» [*Лаппо-Данилевский, 2015. С. 270*]. Век спустя, теперь уже после достаточно долгого господства маржиналистского мэйнстрима в экономической науке, звучат похожие упреки со стороны Другого канона, возвышающего столь уважаемого Струве Листа и политэкономов исторической школы.

В этой связи приобретает дополнительный интерес наследие Струве как методолога и историка экономической мысли – главы особого «веховского» направления в русской политэкономии. Представляется плодотворным дальнейшее сопоставление Двух канонов экономической мысли с анализом двух формативных мотивов экономического мышления, который проделали П. Струве и пока ещё мало известный в российской экономической литературе К. Прибрам.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С.* (2013). Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Ансберг О.Н., Ковалев В.В.* (2009). Андрей Михайлович Рыкачёв // Очерки по истории финансовой науки. Санкт-Петербургский университет. М.: Проспект. С. 329–349.
- Базаров В.А.* (2000). Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910). Кн. II / Под ред. С.А. Венгерова. М.: ИЦ «XXI век – Согласие». С. 291–310.
- Белых А.А.* (2012). П.А. Столыпин и его первый биограф А.С. Изгоев // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 113–136.
- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Булгаков С.Н.* (1903). Об экономическом идеале. СПб: Товарищество «Общественная польза».
- Булгаков С.Н.* (1914). История экономических учений. Лекции, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1912/1913 акад. г. Ч. 2. М.: книж. маг. «Высшая школа».
- Бюхер К.* (1897). Историческое развитие и классификация форм промышленности // История труда в связи с историей некоторых форм промышленности / под ред. С. Булгакова. СПб.: тип. и лит. В.А. Тиханова. С. 47–106.
- Вернадский И.В.* (1858). Проспект политической экономии. СПб.: тип. П.А. Кулиша.
- Винярский Л.* (1897). Математический метод в политической экономии // Научное обозрение. № 12. С. 1–24.
- Воронцов В.П.* (2008). Экономика и капитализм. Избранные сочинения. М.: Астрель.
- Геглов Г.* (2005). Деды и внуки в большой науке // Вестник Международного института А. Богданова. № 4 (24). С. 100–112.
- Гловели Г.Д.* (2013). История экономических учений. М.: Юрайт.
- Гловели Г.Д.* (2014). Историзм и историческое направление в политической экономии // Историко-экономические исследования. Том 15. № 3. С. 468–512.
- Гловели Г.Д.* (2016). Транссиб и продолжение дискуссии о судьбах российского капитализма // Историко-экономические исследования. Том 17. № 3. С. 509–525.
- Дмитриев Вл.* (1908). Теория ценности (Обзор литературы на русском языке) // Критическое обозрение. Вып. II. С. 12–26.
- Железнов В.Е.* (1904). Главные направления в разработке теории заработной платы. Киев: товарищество И.Н. Кушнерев и К°.
- Железнов В.Е.* (1905). К реформе современной теоретической экономии. Киев: Кн. маг. С.И. Иванова и К°.

- Иванюков И.И. (1891). Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М.: Н.И. Мамонтов.
- Изгоев А. (1990). Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: МГУ. С. 151–173.
- Изгоев А. (2012). П.А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности // Экономическая политика. 2012. № 6. С. 80–112.
- Ингрэм Дж.К. (1897). История политической экономии. М: К.Т. Солдатенков.
- Косса Л. (1900). История экономических учений. Киев – Харьков: Южно-русское книгоиздательство.
- Лапто-Данилевский А.С. (2015). Записка об ученых трудах П.Б. Струве. Публикация А.В. Малинова // Вече. № 1 (27). С. 267–272.
- Левитский В.Ф. (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: тип. фирмы А. Дарре.
- Ленин В.И. (1969). Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Политиздат.
- Миклашевский А.Н. (1904). Обмен и экономическая политика. Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена.
- Миклашевский А.Н. (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев-Дерпт. Тип. К. Матисена.
- Никитский А.И. (1893). История экономического быта Великого Новгорода. Предисл. С.А. Харизоменова. М.: Университетская тип.
- Первушин С.А. (1922). Очерки по теории массового потребления. Пг. / Приложение к журналу «Экономист».
- П.Н. (1914). Зомбарт // Новый энциклопедический словарь. Т. 18. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 810–812.
- Райнерт Э. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Рыкачёв А. (1900). Учение Бём-Баверка о доходе на капитал // Научное обозрение. № 4. С. 776–796.
- Рыкачев А. (1913). О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. № 10. С. 29–48.
- С-в [Соболев] М. (1897). Натуральное хозяйство // Энциклопедический словарь. Полутом 40. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И. А. Ефрон. С. 686–687.
- Соболев М.Н. (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь. Полутом 47. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 305–312.
- Соболев М.Н. (1900). Конкуренция как двигатель современной экономической жизни // Мир Божий. № 9. С. 1–22.
- Струве П. (1894а). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.
- Струве П. (1894б). Земледельческое государство // Энциклопедический словарь. Полутом 23. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 424–425.
- Струве П. (1895). Картели // Энциклопедический словарь. Полутом 28. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 610–616.
- Струве П. (1901). Предисловие // Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России / СПб.: Н. М. Глаголев. С. VII–XVI.
- Струве П. (1902). На разные темы. Сб. ст. (1893–1901). СПб.: тип. А.Е. Колпинского.
- Струве П. (1908). Об экономическом видении и предвидении // Русская мысль. Кн. X. Отд. 2. С. 149–159.
- Струве П. (1913). Хозяйство и цена. Тю И. М: Изд. В.П. Рябушинского.
- Струве П. (1914). Джозеф Чемберлен [некролог] // Русская мысль. Кн. VII. С. 15–16.
- Струве П. (1915а). МанDEVиль, Бернар // Новый энциклопедический словарь. Т. 25. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 591–592.
- Струве П. (1915б). Маркс, Карл // Новый энциклопедический словарь. Т. 25. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 760–769.
- Струве П. (1916). Хозяйство и цена. Т. II. М: Изд. В.П.Рябушинского.
- Струве П. (1917а). Проблема капитала в политической экономии, построенной на теории цены // Известия Российской Академии наук. // Сер. VI. № 16. С. 1401–1414.
- Струве П. (1917б). В чем революция и контрреволюция? // Русская мысль. Кн. XI–XII. С. 56–61.
- Струве П. (1918). Понятие и проблема торговой политики // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. № 18. С. 2117–2128.
- Струве П. (1921). Размышления о русской революции // Русская мысль. Кн. I и II. С. 6–37.
- Туган-Барановский М.И. (1913). Новый труд по экономической теории // Русское богатство. № 10. С.371–382.
- Уэст Дж. Л. (2000). Кружок Рябушинского : русские промышленники в поисках буржуазии [1909–1914] // Американская русистика : вехи историографии последних лет. Императорский период : антология. Самара: Самарск. ун-т. С. 299–329.
- Филиппов М.М. (1897). Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. № 4. С. 16–35.
- Филиппов М.М. (1900). Психология в политической экономии // Научное обозрение. № 11. С. 1997–2018.

- Чаплыгина И.Г. (2004). Взгляды К. Прибрама на историю экономической мысли // Историко-экономической альманах. Вып. 1. М.: Академический проект. С. 118–142.
- Штейн В.М. (1917). Давид Рикардо. К столетию выхода в свет его «Principles of Political Economy and Taxation» [1817–1917] // Известия Российской Академии наук. Сер. VI. № 16. С. 1515–1529.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Fetter F. (1991). Present State of Economic Theory in the United States of America // Research in the History of Economic Thought and Methodology: Archival Supplement 2. P. 9–45.
- Gide, C. & Rist, C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- List F. (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Nenovsky, N., & Penchev, P. (2017). Between Carl Menger and Peter Struve: On the Russian liberal economics // History of Economic Ideas. Pisa · Roma, Fabrizio Serra editore. Vol. XXV. No. 3. P. 11–40.
- Pribram K. (1912). Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Hirschfeld, Leipzig.
- Pribram K. (1953). Patterns of Economic Reasoning. American Economic Review. Vol. 43. No. 2. P. 243–258.
- Pribram K. (1983). A History of Economic Reasoning, The Johns Hopkins University Press Ltd, Baltimore – London.
- Struve P. (1934). My Contacts and Conflicts with Lenin // The Slavonic and East European Review. Vol. 12. No. 36. P. 68–84.

Гловели Георгий Джемалович

ggloveli@hse.ru

Georgii Gloveli

doctor habilitatus in economics, professor of National Research University «Higher School of Economics», head of Center of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ggloveli@hse.ru

ECONOMIC THOUGHT OF VEKHISM BETWEEN «TWO CANONS»

Abstract. The article introduces the concept of Vekhism as a special current in Russian economic thought and deals with views of P. Struve as the central figure of this current. Struve's wording of main antithesis of formative motives for economic reasoning is investigated in details: nominalism-singularism versus realism-universalism. These motives are related with two canons of economic science: abstract individualistic main stream (classical school, marginalism) and the other canon, advocating more concrete approaches and an active state intervention in economic affairs. The connection of the historical and methodological research of Struve with the experience of self-determination of Russian political economy between the two canons is shown.

Keywords: economic methodology, classical political economy, historical school, marginalism, Russian legal marxism, vekhism, formative motives.

JEL Classification: A10, B11, B12, B13, B14, B15, B31, B49.

REFERENCES

- Ansberg O.N., Kovalev V.V. (2009). Andrey Mikhaylovich Rykachov // Ocherki po istorii finansovoy nauki. Sankt-Peterburgskiy universitet. M.: Prospekt. S. 329–349.
- Avtonomov V.S. (2013). Abstraktsiya – mat' poryadka? [Abstraction as a Mother of Order?] // Voprosy ekonomiki. № 4. S. 4–23.
- Bazarov V.A. (2000). Pionery marksizma [The Pioneers of Marxism] // Russkaya literatura XX veka (1890–1910). Kn. II. Pod red. S.A.Vengerova. M.: ITS «XXI vek – Soglasie». S. 291–310.
- Belykh A. (2012). P.A. Stolypin i yego pervyy biograf A. S. Izgoyev [P.A. Stolypin and His First Biographer A.S. Izgoyev] // Ekonomicheskaya politika. 2012. № 6. S. 113–136.
- Blaug M. (1994). Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic Theory in Retrospect]. M.: Delo.
- Bulgakov S.N. (1903). Ob ekonomicheskom ideale [On the Economic Ideal]. SPb: Tovarishchestvo «Obshchestvennaya pol'za».
- Bulgakov S.N. (1914). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy. Leksii, chitannyye v Moskovskom Kommercheskom Institute v 1912/1913 akad. g. CH. 2. [History of Economical Teachings. Lectures read at the Moscow Commercial Institute in 1912/1913 acad. y. Part 2.] M.: knizh. mag. «Vysshaya shkola».
- Byukher K. (1897). Istoricheskoye razvitiye i klassifikatsiya form promyshlennosti [Historical Development and Classification of Forms of Industry] // Istoriya truda v svyazi s istoriyey nekotorykh form promyshlennosti / pod red. S. Bulgakova. SPb. S. 47–106.

- Chaplygina I.G.* (2004). Vzglyady K. Pribrama na istoriyu ekonomicheskoy mysli [K. Pribram's Views on the history of economic thought] // Istoriko- ekonomicheskoy al'manakh . Vyp. 1. M.: Akademicheskiiy proyekt. S. 118–142.
- Dmitriyev Vl.* (1908). Teoriya tsennosti (Obzor literatury na russkom yazyke) [Theory of Values (Review of Literature in Russian)] // Kriticheskoye obozreniye. Vyp. II. S. 12–26.
- Fetter F.* (1991). Present State of Economic Theory in the United States of America // Research in the History of Economic Thought and Methodology: Archival Supplement 2. P. 9–45.
- Filippov M.M.* (1897). Sotsiologicheskoye ucheniye Karla Marksa [Karl Marx's Sociological Doctrine] // Nauchnoye obozreniye. № 4. S. 16–35.
- Filippov M.M.* (1900). Psikhologiya v politicheskoy ekonomii [Psychology in Political Economy] // Nauchnoye obozreniye. No. 11. S. 1997–2018.
- Geglov G.* (2005). Dedy i vnuki v bol'shoy nauke [Grandparents and Grandchildren in Large Science] // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta A. Bogdanova. № 4 (24). S. 100–112.
- Gide C. & Rist C.* (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Gloveli G.D.* (2013). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of Economical Teachings]. M.: Yurait.
- Gloveli G.D.* (2014). Istorizm i istoricheskoye napravleniye v politicheskoy ekonomii [Historicism and Historical Direction in Political Economy] // Istoriko-ekonomicheskoye issledovaniya. T. 15. No. 3. S. 468–512.
- Gloveli G.D.* (2016). Transsib i prodolzheniye diskussii o sud'bakh rossiyskogo kapitalizma [Transsib and the Continuation of the Discussion about the Fate of Russian Capitalism] // Istoriko-ekonomicheskoye issledovaniya. T. 17. No. 3. S. 509–525.
- Ingram Dzh.K.* (1897). Istoriya politicheskoy ekonomii [A History of Political Economy]. M: K.T. Soldatenkov.
- Ivanyukov I.I.* (1891). Politicheskaya ekonomiya kak ucheniye o protsesse razvitiya khozyaystvennykh yavleniy [Political Economy As a Doctrine of the Process of Development of Economic Phenomena]. 3-ye izd. M.: N.I. Mamontov.
- Izgoeyev A.* (1990). Sotsializm, kul'tura i bol'shevizm [Socialism, the Culture and Bol'shevism] // Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii. M.: MGU. S. 151–173.
- Izgoeyev A.* (2012). P.A. Stolypin: ocherk zhizni i deyatelnosti [P.A. Stolypin. Essay on life and work] // Ekonomicheskaya politika. No. 6. P. S. 80–112.
- Kossa L.* (1900). Istoriya ekonomicheskikh ucheniy [History of Economical Teachings]. Kiyev – Khar'kov: Yuzhno-russkoye knigoizdatel'stvo.
- Lappo-Danilevskiy A.S.* (2015). Zapiska ob uchenykh trudakh P.B. Struve. Publikatsiya A.V. Malinova [A Note on the Scientific Works of P.B. Struve. The publication of A.V. Malinov] // Veche. No. 1 (27). S. 267–272.
- Lenin V.I.* (1969). Filosofskiy tetradi [Philosophical Notebooks] // Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 29. M.: Politizdat.
- Levitskiy V.F.* (1914). Istoriya politicheskoy ekonomii v svyazi s istoriyey khozyaystvennogo byta [A History of Political Economy in connection with the History of Economic Life]. Khar'kov: tip. firmy A. Darre.
- List F.* (1856). National System of Political Economy. Transl. from the German. Philadelphia: Lippincott and Co.
- Miklashevskiy A.N.* (1904). Obmen i ekonomicheskaya politika [An Exchange and Economic Politycy]. Yur'yev-Derpt. Tip. K. Matisena.
- Miklashevskiy A.N.* (1909). Istoriya politicheskoy ekonomii. Filosofskiy, istoricheskoye i teoreticheskoye nachala ekonomii XIX veka [A History of Political Economy]. Yur'yev-Derpt. Tip. K. Matisena.
- Nenovskiy N. & Penchev P.* (2017). Between Carl Menger and Peter Struve: On the Russian liberal economics // History of Economic Ideas. Pisa Roma, Fabrizio Serra editore. Vol. XXV. No. 3. P. 11–40.
- Nikitskiy A.I.* (1893). Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda [A History of the Economic Life of Great Novgorod]. Predisl. S.A. Kharizomenova. M.: Universitetskaya tip.
- P.N.* (1914). Zombart // Novyy entsiklopedicheskoy slovar'. [Zombart. The New Encyclopedic Dictionary] Tom 18. SPb. : F. A. Brokgauz, I. A. Yefron. Stb. 810–812.
- Pervushin S.A.* (1922). Ocherki po teorii massovogo potrebleniya [Essays on the Theory of Mass Consumption]. Pg.: Supplement to the magazine "The Economist".
- Pribram K.* (1912). Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Hirschfeld, Leipzig.
- Pribram K.* (1953). Patterns of Economic Reasoning. American Economic Review. Vol. 43. No. 2. P. 243–258.
- Pribram K.* (1983). A History of Economic Reasoning, The Johns Hopkins University Press Ltd, Baltimore – London.
- Raynert E.* (2011). Kak bogatyye strany stali bogatymi, i pochemu bednyye strany ostayutsya bednymi [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. M.: ID GU-VSHE.
- Rykachov A.* (1900). Ucheniye Bom-Baverka o dokhode na kapital [Böhm-Bawerk's Teaching of on Return on Capital] // Nauchnoye obozreniye. No. 4. S. 776–796.
- Rykachov A.* (1913). O nekotorykh nashikh predubezhdeniyakh [About Some of Our Prejudices] // Russkaya mysl'. Kn X. S. 29–48.
- Shteyn V.M.* (1917). David Rikardo. K stoletiyu vykhoda v svet yego «Principles of Political Economy and Taxation» (1817–1917) [David Ricardo. By the Centenary of the Publication of His "Principles of Political Economy and Taxation" (1817–1917)] // Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Ser. VI. № 16. S. 1515–1529.

- Schumpeter Y.A.* (2001). *Istoriya ekonomicheskogo analiza. Tom 3* [History of Economic Analysis. Volume 3]. SPb.: «Ekonomicheskaya shkola».
- S-v [Sobolev] M.* (1897) *Natural'noye khozyaystvo* [Natural Economy] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 40.* SPb.: F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. S. 686–687.
- Sobolev M.N.* (1898). *Politicheskaya ekonomiya* [Political Economy] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 47.* SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. S. 305–312.
- Sobolev M.N.* (1900). *Konkurentsia kak dvigatel' sovremennoy ekonomicheskoy zhizni* [Competition as the Driver of Modern Economic Life] // *Mir Bozhiy. Kn. IX.* S. 1–22.
- Struve P.* (1894a). *Zemledel'cheskoye gosudarstvo* [The Agricultural State] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 23.* SPb. : F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. S. 424–425.
- Struve P.* (1894b). *Kriticheskiye zametki k voprosu ob ekonomicheskom razvitii Rossii* [The Critical Notes on a Question about Economic Development of Russia]. Vyp. 1. SPb.: Tip. I.N. Skorokhodova.
- Struve P.* (1895). *Karteli* [The Cartels] // *Entsiklopedicheskiy slovar'. Polutom 28.* SPb. : F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. S. 610–616.
- Struve P.* (1901). *Predisloviye* [Preface] // *Shul'tse-Gvernits G. Ocherki obshchestvennogo khozyaystva i ekonomicheskoy politiki Rossii* / SPb. : N.M. Glagolev. S. VII–XVI.
- Struve P.* (1902). *Na raznyye temy. Sb. st. (1893–1901)* [On Different Topics. Digest of Articles (1893–1901)]. SPb.: tip. A.Ye. Kolpinskogo.
- Struve P.* (1908). *Ob ekonomicheskom videnii i predvidenii* [On Economic Vision and Foresight] // *Russkaya mysl'. Kn. X.* S. 149–159.
- Struve P.* (1913). *Khozyaystvo i tsena. Tom I* [Economy and Price. Vol. 1]. M: Izd. V.P.Ryabushinskogo.
- Struve P.* (1914). *Dzh. Chamberlen (nekrolog)* [J. Chamberlain (obituary)] // *Russkaya mysl'. Kn. VII.* S. 15–16.
- Struve P.* (1915a). *Mandevil, Bernar* [Mandevile, Bernard] // *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. Tom 25.* SPb.: F.A. Brokgauz, I. A. Yefron. Stb. 591–592.
- Struve P.* (1915b). *Marks, Karl* [Marx, Karl] // *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'. Tom 25.* SPb.: F.A. Brokgauz, I.A. Yefron. Stb. 760–769.
- Struve P.* (1916). *Khozyaystvo i tsena. Tom II* [Economy and Price. Vol. II]. M: Izd. V.P. Ryabushinskogo.
- Struve P.* (1917a). *Problema kapitala v politicheskoy ekonomii, postroyennoy na teorii tseny* [The Problem of Capital in the Political Economy, Built on the Theory of Price] // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. // Ser. VI.* No. 14, 16. S. 1401–1414.
- Struve P.* (1917b). *V chem revolyutsiya i kontrrevolyutsiya?* [What is revolution and counter-revolution?] // *Russkaya mysl'. Kn. XI–XII.* S. 56–61.
- Struve P.* (1918). *Ponyatiye i problema torgovoy politiki* [The Concept and The Problem of trade Policy] // *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Ser. VI.* No. 18. S. 2117–2128.
- Struve P.* (1921). *Razmyshleniya o russkoy revolyutsii* [Reflections on the Russian revolution] // *Russkaya mysl'. Kn. I i II.* S. 6–37.
- Struve P.* (1934). *My Contacts and Conflicts with Lenin. I* // *The Slavonic and East European Review. Vol. 12.* No. 36.
- Tugan-Baranovskiy M.I.* (1913). *Novyy trud po ekonomicheskoy teorii* [New Work on Economic Theory] // *Russkoye bogatstvo. No. 10.* S. 371–382.
- Uest Dzh. L.* (2000). *Kruzhok Ryabushinskogo : russkiye promyshlenniki v poiskakh burzhuazii (1909–1914)* [Riabushinskii Circle: Russian Industrialists in Search of the Bourgeoisie (1909–1914)] // *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskiy period: antologiya: Samara: Samarsk. un-t.* S. 299–329.
- Vernadskiy I.V.* (1858). *Prospekt politicheskoy ekonomii* [A Prospectus of Political Economy]. SPb.: tip. P.A. Kulisha.
- Vinyarskiy L.* (1897). *Matematicheskii metod v politicheskoy ekonomii* [Mathematical Method in Political Economy] // *Nauchnoye obozreniye. № 12.* S. 1–24.
- Vorontsov V.P.* (2008). *Ekonomika i kapitalizm. Izbrannyye sochineniya* [Economics and Capitalism. Selected works]. M.: Astrel.
- Zheleznov V.Ye.* [1904]. *Glavnyye napravleniya v razrabotke teorii zarabotnoy platy* [The Main Currencies in Working up Wages Theory]. Kiyev: tovarishchestvo I.N. Kushnerev i K°.
- Zheleznov V.Ye.* [1905]. *K reforme sovremennoy teoreticheskoy ekonomii* [Towards the Reform of Modern Theoretical Economy]. Kiyev: Kn. mag. S.I. Ivanova i K°.